

– подборка четырнадцатая –

ВОСПОМИНАНИЯ **праведной ребецн** **Ханы,**

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 14

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 14-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

15 тевеса 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)¹⁴⁴

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Встреча со ссыльным раввином из Полтавы

Я уже начала ходить по комнате и кое-как могла делать работу по дому. Наши гости — *шойхет* и его жена¹⁴⁵ — вернулись в кишлак, в котором жили. В это время, как назло, усилились холода, и от недоедания, а то и голода в буквальном смысле опять вспыхнула эпидемия тифа, да убережет нас Всевышний, и значительно увеличилось число больных...

Среди ссыльных был один еврей из Полтавы. В своем городе он читал в синагоге книгу «Эйн Яков», за что удостоился звания «раввина» (настоящего раввина к тому времени в Полтаве уже не было). Этого оказалось достаточно, чтобы его сослали в Чиили, сочтя «политически вредным элементом». Здесь он очень опустил, часто его видели просящим милостыню у евреев и неевреев.

С другой стороны, вспоминается и такой случай. Как-то мы стояли в очереди за хлебом, и этот «полтавский раввин» увидел моего мужа, подошел к нему и затеял обсуждение какого-то места из Торы. Магазин находился прямо под окнами здания местного НКВД, а он начал так громко демонстрировать свою ученость, что все неевреи, стоявшие в очереди, стали оглядываться на нас, чтобы выяснить причину шума. Нам же, понятное дело, подобное

¹⁴⁴ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

¹⁴⁵ См. о них в предыдущем выпуске «Воспоминаний».

внимание было совершенно ни к чему. Я сказала тому еврею: «Прошу вас, не кричите так! Есть здесь «око видящее, ухо слышащее и книга, куда записываются все поступки»¹⁴⁶. Что вы делаете?!» Он тут же ответил мне, что НКВД ему не хозяин, а сюда его послал Всевышний!.. Затем он обратился к нам за помощью: в очереди ему сказали, что он стоит в «тридцать шестом десятке»¹⁴⁷, а он не очень понимал, что это значит, так как плохо владел русским языком...

К этому еврею потом приехали жена и сын, совсем молодой паренек. Жизнь их семьи кое-как наладилась. Каляков¹⁴⁸ устроил сына работать у сапожника в Кзыл-Орде, чтобы он мог хоть немного зарабатывать и помогать родителям. Однако «ребецн» (жене «полтавского раввина») в Чиили совершенно не нравилось. Условия жизни и в самом деле были ужасные, бедная женщина не была так уж неправа — во всяком случае, не мне ее судить... Когда муж ее заболел и попал в больницу, она, оставшись одна, собрала где-то немного денег и уехала с сыном обратно в Полтаву.

Похоронить еврея по-еврейски, несмотря ни на что

Больница находилась от нас километрах в пяти. Как-то раз, когда муж пошел проведать «полтавского раввина», он увидел, что состояние его здоровья сильно ухудшилось. У мужа было несколько знакомых среди докторов, один из которых тоже был ссыльным. Он попросил, чтобы больному обеспечили самое лучшее лечение, насколько это возможно. Однако через пару дней ссыльный доктор сообщил, что больной скончался... Возникла проблема с его захоронением, так как еврейского кладбища в нашем поселке не было.

Муж мой сильно переживал и принял большое участие в решении этой проблемы. Он тут же отправился к врачам и добился разрешения оставить тело на три дня в морге. Также он договорился, чтобы не делали вскрытия, хотя по правилам эта процедура являлась обязательной для всех умерших от тифа. От врачей муж отправился на телеграф — зная, что за каждым его шагом следят! — и послал телеграмму кзыл-ординской общине, чтобы они прислали в Чиили человека, объяснив, с какой целью. Подписал телеграмму он только именем, без фамилии.

¹⁴⁶ «Пиркей овойс», 2:1.

¹⁴⁷ Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

¹⁴⁸ См. о нем сноску 72 в 7-м выпуске «Воспоминаний», а также в предыдущем выпуске.

На следующий день из Кзыл-Орды приехал тамошний раввин, бухарский еврей. Как я уже писала¹⁴⁹, днем он работал чистильщиком обуви и так зарабатывал на пропитание себе и семье, а по вечерам шел в синагогу. Он считался в городе *хахамом*¹⁵⁰ и действительно был непрым евреем, обладал определенными познаниями в Торе. Вместе с *хахамом* приехал также *габай*¹⁵¹ *Хевра кадиша*¹⁵², казахстанский еврей, облаченный в национальные одеяния, препоясанный широким красным шарфом. Это был толстый человек с грубым лицом, не слишком грамотный (иврита, скажем, он совершенно не знал), но при этом очень Б-гобоязненный. С собой они привезли все необходимое — доски, новое полотно для *тахрихим*¹⁵³ и так далее. И доски, и полотно были в большом дефиците, достать их было практически невозможно, но сын *габая* служил офицером, и отец просил его, чтобы тот присылал ему все полотно, которое только можно будет раздобыть. Доски *габай* тоже где-то доставал...

Хахам и *габай* остановились у нас. Зайдя в дом, они — в соответствии с принятыми там обычаями траура: сразу сели на пол и стали есть «трапезу скорбящих» - еду, которую привезли с собой. Закончив, они спросили у мужа указаний, что им нужно делать.

Прежде всего, надо было пойти в больницу и выяснить, сдержал ли свое слово врач, который обещал не отдавать тело для захоронения вместе с остальными умершими (нееврейями). Врач сказал им: «Если я что-то пообещал Шнеерсону, то, как бы ни было трудно, от слова своего не отступлю!»

Затем они втроем — мой муж и евреи из Кзыл-Орды — отправились искать место, где можно было бы захоронить «полтавского раввина». Остановились на небольшом участке земли неподалеку от больницы, но уже не на территории поселка. Захоронение нельзя было проводить в открытую — в первую очередь из-за того, что его организовал ссыльный «преступник». Муж рассказал бухарскому раввину и *габаю Хевра кадиша* обо всем, что они должны будут сделать во время похорон, затем вернулся в больницу — попросить прощения у покойного, а оттуда отправился домой, чтобы никто его не увидел.

¹⁴⁹ См. 8-й выпуск «Воспоминаний».

¹⁵⁰ Дословно «мудрец». Титул раввинов у бухарских евреев.

¹⁵¹ Староста.

¹⁵² Похоронное братство.

¹⁵³ Саван, в который облачают умерших.

«Лехаим, рабби!..»

В четыре часа дня двое кзыл-ординских евреев, занимавшихся похоронами, вернулись к нам домой. Они были счастливы и не уставали благодарить моего мужа, который помог им исполнить столь важную *мицву*.

Слова раввина выдавали в нем человека грамотного и начитанного. *Габай* же, который был человеком совсем простым, не мог толком сказать ни слова — ни на идише, ни на иврите. Но ему очень хотелось выразить свой восторг перед моим мужем, и он, крепко пожав ему руку, воскликнул: «Лехаим, рабби!» (это была едва ли не единственная фраза на иврите, которую он знал). В словах *габая* звучало такое глубокое чувство, которое мужу редко доводилось слышать неказахских евреев (стоит отметить, что люди, живущие в нормальных условиях, просто не в силах представить себе масштаб и сложность работы, проводимой моим мужем в ссылке, я дала бы ей название «силы святости»).

...Все евреи Чиили — особенно те, кто постарше, — после смерти «полтавского раввина» стали говорить с печальной улыбкой, смешанной с горечью и страхом: «Не хотел бы я лежать среди казахов!» Они думали о несчастном еврее, который остался один-одинешенек, брошенный своей семьей...

«Шнеерсон не хочет нееврейских соседей?..»¹⁵⁴

Когда в Чиили скопилось много эвакуированных, начались сложности с жильем. Были объявлены правила, строго регламентирующие размер жилплощади, которую мог занимать каждый человек. В соответствии с новыми нормами, в нашей комнате по метражу могли поселиться пять человек, а мы там жили вдвоем.

Руководил отделом, занимавшимся вопросами расселения, ссыльный инженер-нееврей, который с большим уважением относился к моему мужу. Это был образованный человек, автор трудов по математике, любивший поговорить об этом с моим мужем, когда они встречались. Знакомство с ним сослужило нам хорошую службу: он не послал своих подчиненных проверять наши жилищные условия, «лишняя» жилплощадь не была зафиксирована,

¹⁵⁴ Этот рассказ, по-видимому, выбивается из хронологической последовательности. В предыдущих отрывках рассказывается про зиму и сильные холода, которые начались вскоре после осенних праздников, а ниже упоминается, что история с подселением произошла незадолго до Йом Кипура.

и новых жильцов к нам подселить не стали. Это было настоящее доброе дело с его стороны!

К сожалению, в один из дней к нашей хозяйке пришла дочка с двумя детьми. Увидев, что мы живем в комнате вдвоем, она тут же принялась писать письма в тот самый отдел коммунхоза¹⁵⁵, которым руководил наш знакомый инженер. Он оказался в сложном положении: поскольку сам он находился в ссылке, ему приходилось быть весьма осторожным в работе. И понятно, что он не мог не отреагировать на письмо, в котором содержались такие «неопровержимые» аргументы: ссыльные евреи занимают такую большую комнату вдвоем, в то время как она, настоящая пролетарка с двумя детьми, к тому же член партии, не имеет где жить! Поэтому она требует, чтобы ее немедленно поселили в комнате Шнеерсонов, тем более что тогда она будет жить рядом с матерью...

Заведующий отделом коммунхоза не мог откладывать рассмотрение ее писем надолго, надо было срочно что-то решать. Он выдал учительнице, одинокой порядочной женщине с ребенком, которая тоже нуждалась в жилье, ордер на подселение в нашу комнату, считая, что это будет лучше, чем туда заселится дочка хозяйки с двумя детьми. С этим ордером учительница пришла к хозяйке (таков был порядок) и, показав его ей, добавила: «Шнеерсон не хочет нееврейских соседей? Ничего, я ему покажу!..» От хозяйки она направилась напрямиком в нашу комнату... Положение складывалось не из приятных, но что мы могли сделать?!

Неделя проходит за неделей, а ее все нет...

Как мне помнится, это было незадолго до Йом Кипура. Муж со слезами на глазах говорил мне: «Где же я буду молиться?!» Кроме всего прочего, возникла большая проблема с кашрутом — как его соблюдать, находясь в одной комнате с неевреями и готовя на одной плите?! Да еще маленький ребенок, который, наверное, будет постоянно плакать...

Мы стали раздумывать над тем, как добиться нормальных отношений с новой соседкой. До Йом Кипура оставалось еще две недели, но муж начал строить планы, что можно сделать в этой ситуации.

Учительница оставила нам свой ордер. Формально это означало, что она уже заселилась, но проходила неделя за неделей, а она все не появлялась. Тем не менее, когда приходила с претензиями дочка нашей хозяйки, мы показывали ей ордер: комната занята.

¹⁵⁵ Это слово в рукописи ребецн написано по-русски.

После Йом Кипура учительница подошла к мужу. «Рабби, как прошел ваш пост? — спросила она на идише и добавила: — Я тоже постилась». Когда муж спросил, почему же она не пришла к нам, чтобы провести праздник вместе, женщина рассказала: чтобы спасти свою жизнь, она раздобыла себе в Польше фальшивый паспорт и с тех пор считалась «полячкой». По этому паспорту ее и отправили в Чили.

«Когда я пришла в ваш дом, — продолжала она, — и увидела вас, то сразу решила, что не буду нарушать ваш покой. Живите спокойно, но сохраните ордер, который я у вас оставила, и тем, кто будет приходить к вам с вопросом о комнате, говорите, что я здесь живу...»

(Вот так порой маленькие радости прорывались сквозь тяготы нашей жизни. Во всех подобных случаях отчетливо проявлялось уважение, которое окружающие испытывали по отношению к моему мужу — даже те, кто видел его впервые в жизни.)

С тех пор учительница часто приходила к нам. Ей нужен был совет и помощь в поисках мужа, о местонахождении которого у нее не было никаких сведений. Через какое-то время она пришла к нам и рассказала, что ей удалось найти мужа и завязать с ним переписку. Он работал в одной из отдаленных республик. Она же пока так и осталась в Чили, работала учительницей по своему фальшивому паспорту. О том, что она еврейка, знали только мы.